

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ПОЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ

ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКАЯ
ОНОМАСТИКА

Отдельный оттиск

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА
1972

РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ
В СТРУКТУРЕ БАЛТИЙСКИХ ТОПОНИМОВ
В СРАВНЕНИИ СО СЛАВЯНСКИМИ

В. Э. Сталтмане

Латышский язык (так же как и литовский) отличается от русского в области морфологического оформления атрибутивных конструкций: относительные прилагательные в русском более частотны, чем в балтийских языках, где вместо относительных прилагательных употребляется родительный падеж соответствующего существительного, ср.: *идеологическая борьба*, лтш. *ideoloģiskā* (прилагат.), *сiņa*; *партийный билет*, лит. *partinis* (прилагат.) *biletas*; *педагогический институт*, лит. *pedagoginis* (прилагат.) *institūtas*, но: *кирпичная стена*, *пивная бутылка*, *медицинский институт*, *рыбий жир*, лтш. *ķieģeļu* (род. пад.) *siena*, *alus* (род. пад.) *pudele*, *medicīnas* (род. пад.) *institūtas*, *zivju* (род. пад.) *eļļa*, лит. *medicinos* (род. пад.) *institūtas*, *rūsių* (род. пад.) *kalba* 'русский язык'.

Эта особенность обеих групп языков прослеживается также на материале ономастики¹. Однако отличие последней от апеллятивов заключается в том, что соотношение балтийского родительного падежа и славянских прилагательных в топонимах подчинено какой-то внутренней закономерности, поддается определенной систематизации (частично при помощи семантической классификации, о чем говорится ниже), в то время как мотивированность употребления генитивных конструкций (лтш. *medicīnas institūts*) или относительных прилагательных (*pedaģoģiskais institūts* — *медицинский, педагогический институт* — в русском языке в обоих случаях прилагательное) в балтийских языках на материале апеллятивов гораздо труднее постижимо, более идиоматично.

¹ В статье рассматриваются не только собственно топонимы: названия физико-географических объектов, населенных пунктов (ойконимия), названия географических объектов внутри города — улиц, площадей и т. п. (урбонимия), но частично и названия учреждений, ресторанов, гостиниц, колхозов и т. п.

Славянские языки лишь в незначительной части топонимов допускают форму родительного падежа. Это в основном так называемые мемориальные названия (правда, далеко не все), присвоенные географическим объектам в честь определенных лиц. Мемориальные названия (и, следовательно, генитивные конструкции) в русском языке применяются для наименования островов, мысов, проливов, заливов, полуостровов, бухт, пиков² и др., например: *мыс Голенищева, пролив Шокальского, остров (полуостров, мыс) Шмидта, бухта (мыс) Дежнева, остров Ушакова, острова Сергея Кирова, остров Рудольфа, залив Петра Великого, мыс Марии, залив Лаврентия, земля Франца-Иосифа, мыс Елизаветы, остров Беринга, пик Ленина.*

К рассматриваемой модели топонимов, по-видимому, можно отнести такие названия, как *гора Кропоткина*; ср. польск. *Wyrona przylądek* (мыс), *Góry Świętej Anny*, чеш. *hora Sv. Kateřiny, hora Sv. Sebestiána* и т. п.

В названиях населенных пунктов родительный падеж, как правило, предворяется словом *имени*: например, *пгт. им. Степана Разина, им. Гастелло* и др.

Кроме фамилий и имен, в рассматриваемой модели наименований встречаются (правда, значительно реже) и апеллятивы: *пик Революции, мыс Столетия, мыс Терпения, остров Уединения, долина Смерти* и т. п.

Большинство случаев употребления генитивных конструкций в славянской топонимии падает на урбонимию. Наряду с другими моделями урбонимов (форма им. падежа: *ул. Волхонка, Солянка, Петровка* и др., качественные, притяжательные и относительные прилагательные: *Новая площадь, Бобров переулок, Ленинский проспект, Спартаковская ул., Пятницкая ул., Каменный мост, Кузнецкий Мост*) в последнее время заметно возрастает количество названий в форме родительного падежа³. Примеры: *ул. Чкалова, пр. Маркса, пр. Вернадского.*

² Разумеется, генитивные конструкции употребляются для наименования перечисленных объектов только как одна из моделей, сосуществующая с другими, ср. *остров Пионер, остров Диксон, Берингов пролив* и др.

³ См.: В. А. Никонов. Научное значение микротопонимии. «Микротопонимия». М., 1967; З. В. Суганова. Географические названия Москвы в форме род. падежа существительного. — Там же.

Эти морфологические модели названий внутригородской топонимии свойственны также польским и чешским урбонимам (разумеется, в иных количественных соотношениях)⁴, ср. названия улиц Праги и Варшавы: форма им. падежа: чеш. *Andělka, Bendovka, Čabelka, Cibulka, Bělka*, польск. *Bełdan, Bolść, Ciołka*; прилагательные: чеш. *Černá, Bílá, Červená, Bylanská, Českomoravská, Balbinova, Alšova, Boleslavova, Čapkova, Abresová*, польск. *Ciemna, Cicha, Ciasna, Archiwalna, Apteczna, Asfaltowa, Akacjowa, Grzybowska, Bukowińska*; форма родительного падежа: чеш. *Černohorského, Boženy Němcové, Borcové, Bratři Čapků, V. Smetany*, польск. *Architektów, Bartoszewicza, Batorego, Bonifacego, Brechta, Chopina* и т. п.

Представляется небезынтересным вышерассмотренные топонимические модели сопоставить с соответствующими балтийскими. Наблюдения показывают, что в балтийских языках генитивные конструкции в значительной мере преобладают. Если в русском языке генитивные конструкции употребляются как одна из возможных форм (наряду с другими для называния данного типа объектов), например *мыс Сысоева*, но *м. Шелагский*, *м. Челюскин*, *м. Толстой*, *м. Воронов*, *м. Лопатка*, *м. Гребень*, *остров Врангеля*, но: *о. Диксон*, *о. Пионер* и т. п., то в балтийских языках генитивные сочетания оказываются единственными (исключения единичны) для рассматриваемых географических объектов, например, названия мысов в Латвии: *Kolkasrags, Mērsrags, Akmeņrags* (генитивные конструкции сплелись в одно сложное слово), названия островов: *Zaķu sala, Zvirgzdu sala, Doles sala* и т. п., лит. *Kuršių marios* (коса).

Что касается названий улиц, то в обоих балтийских языках здесь можно отметить абсолютное преобладание форм родительного падежа, например, лит. *Mickevičiaus gatvė* (ул. Мицкевича), *Algirdo g.* (ул. Альгирдаса), *Komjaunimo g.* (ул. Комсомола), *Partizanų g.* (ул. Партизан), *Arklių g.* (ул. Лошадей), лтш. *Raiņa iela* (ул. Райниса), *Leņķina iela* (ул. Ленина), *Revolūcijas iela* (ул. Революции),

⁴ Мы не останавливаемся на тех моделях чешских и польских урбонимов, которые не имеют соответствий в русской урбонимии, ср. предложные конструкции типа чеш. *Nad Botičem, U Vacláva, Pod Skalou*, К *Dubínám* польск. *Na Baterýjse* и т. п.

Olgas iela (ул. Ольги), Akas iela (ул. Колодца), Dzirnau iela (ул. Мельниц), Audēju iela (ул. Ткачей).

Исключения составляют единичные случаи употребления качественных прилагательных, ср. лит. Tolimoji g. (Далекая ул.), Kreivoji g. (Кривая ул.), Žemoji g. (Низкая ул.), лтш. Zaļā iela (Зеленая ул.), Baltā iela (Белая ул.), Klusā iela (Тихая ул.), Platā iela (Широкая ул.), Lielā iela (Большая ул.), и порядковых числительных: лтш. 1. līnija (1-я линия).

В Риге имеется только одна улица, названная относительным прилагательным Komunālā iela (Коммунальная ул.).

2

Для балтийской топонимии характерно наличие генитивных конструкций и в тех моделях топонимов, в которых они абсолютно недопустимы (или исключительно редки) в славянских языках. Речь идет о названиях единиц административно-территориального деления (областей, районов, сельсоветов и т. п.), названий географических объектов, обозначающих свойства рельефа (возвышенности, низины, равнины, впадины и т. п.), сюда же относятся названия лесов, болот, заповедников и т. п. Эти названия, как правило, вторичны, т. е. обозначаемый объект получил название от названия другого географического объекта.

В славянской топонимии эти названия представлены строгой моделью «прилагательное (чаще всего относительное)+географический термин», ср., *Амурская область*, *Каменский район*, *Гагаринский район*, *Михайловский сельсовет*, чеш. Sokolovský, Karlovarský okres, Jenišův újezd, Pražský kraj, Plzeňský kraj, Liberecký kraj, польск. Województwo Białostockie, Wojew. Poznańskie, Wojew. Krakowskie; *Валдайская возвышенность*, *Приволжская возвышенность*, *Анадырская низменность*, *Курские леса*, *Кандалакшский заповедник*, чеш. Česká vysočina, Českomoravská vrchovina, Jihočeské pánve (впадина), Český Les, Polabská nížina, Moravský kras (карст), Hornomoravský úval (долина); польск. Wyżyna Lubelska, Kotlina Sandomierska, Kotlina Śląska, Nizina Mazowiecko-Podlaska, Bory Tucholskie, Augu-stowska Puszcza, Białowieża Puszcza.

Рассматриваемая модель названий в балтийских языках представлена исключительно генитивными сочетаниями⁵: лтш. Cēsu rajons, Tukuma rajons, Slates ciema padome, Zemgales lidzenums, Latgales augstiene, Kirova rajons, Slīteres meži, Kēstera mežs, Velna purvs, лит. Telsių rajonas, Ažuolino kiemas, Baltijos-Švenčionių aukštuma, Budiņinkų Miškas, Aluonos pelkė.

Менее единообразна модель названий озер и гор. В балтийских языках здесь преобладают названия в родительном падеже, в то время как в славянских им противостоят прилагательные или же именительный падеж существительного. Примеры: лтш. Liepājas ezers, Burtnieku ezers, Rēznas ezers, Krievu kalns, Saules kalns, лит. Alaušo ežeras, Aivilių ežeras, Ažušiles kalnas, Džiugo kalnas. В славянских языках: *Байкал, Онежское взоро, Лабоджское озеро, Полисто* (оз.), *Пясино* (оз.), *Белая гора, Благодать* (г.), чеш. Štrbskie pleso (горное озеро), Černé jezero, Bžezový rybník, Kozčinský r., Žinkovsky r., Popice (гора), Orlík (г.), Hřeben (г.), Javorná (г.), польск. Żarnowieckie jezioro, Krępskie j., Wierzechowo j., Wielkie j., Bytyń (j.), Kamienna góra, Babia (г.), Diabla (г.), Dębowa (г.), Jaworzyna (г.), Sobótka (г.).

3

В славянских языках от каждого топонима регулярно может быть образовано прилагательное и, естественно, каждый топоним может быть употреблен в родительном падеже: *Волга — Волги — волжский, Москва — Москвы — московский*⁶. Однако в образовании вторичных⁷ топоними-

⁵ Строгое соответствие балтийских генитивных конструкций славянским прилагательным ярко проявляется при передаче названий из одного языка на другой, например *Амурская область* — лтш. Amuras (род. пад.) argabals, *Ленинградский район* — Leņingradas rajons, *Валдайская возвышенность* — Valdaļa augstiene и наоборот: лтш. Madonas rajons — *Мадонский район*, Salienas ciems — Салиенское село, лит. Šiaulių rajonas — *Шауляйский район* и т. п.

⁶ О словообразовательных возможностях топонимов в различных языках см.: В. Д. Б е л е н ь к а я. Топонимы в составе лексической системы языка. М., 1969, стр. 68, 69.

⁷ Термин «вторичный» в данной статье употребляется как более наглядный вместо более точного термина «непервичный», см.

ческих названий, как правило, участвует только один из членов этой корреляции — относительное прилагательное (*Московская область*). Иная картина в балтийских языках: трехчленной славянской системе соответствует двухчленная балтийская: им. падеж Rīga — род. падеж Rīgas. Оттопонимные прилагательные (типа *московский*) балтийским языкам абсолютно чужды⁸, зато каждая форма род. падежа может быть использована для образования вторичных топонимов (Rīgas rajons).

Родительный падеж в балтийских языках присутствует имплицитно и в тех географических названиях, которые обычно принято употреблять в форме именительного падежа. В первую очередь сказанное относится к названиям населенных пунктов и рек. Наряду с более употребительной формой именительного падежа, например лтш. Rīga, Madona, Ierīķi, Druvas, Kosa, Ķīpji, Venta, Gauja, лит. Vilnius, Krosna, Šiauliai, Skuodas, Mūša, Nemunas, Šaltuona, потенциально возможна также соответствующая конструкция «род. падеж+географический термин»: Rīgas pilsēta, Madonas pilsēta, Ierīķu stacija, Kosas ciems (раньше Kosas pagasts 'волость'), Ķīpju mājas, Ventas upe, Vilniaus miestas, Skuodo miestas, Mūšos upē, Nemuno upē, Šaltonos upē. Следует отметить, что употребление генитивных форм поддерживается наличием одноименных названий реки и населенного пункта: географический термин в генитивном сочетании устраняет омонимию: Pūkstes upe (река) в отличие от Pūkste (город).

Генитивные конструкции предпочитают также в определенных текстах, особо требующих однозначности высказывания, ср.: Noteikumi par mājas dzīvnieku turēšanu Rīgas pilsētā 'Правила для владельцев домашних животных в г. Риге'.

Генитивные сочетания часто предпочитают также для речек и ручейков небольшой протяженности, получивших свое название от соответствующей местности, например лтш. Salienas upe, Šlapaku upe (одна и та же речка у села

об этом: А. В. Су пер а н с к а я. Переводимые и неперево-
димые типы географических названий. «Slavica Pragensia», 1966,
VII стр. 168.

⁸ Хотя (как об этом было сказано в начале) вообще относитель-
ные прилагательные балтийским не чужды, ср. лтш. vēsture
'история' — vēsturisks 'исторический', vācietis 'немец' — va-
cisks 'характерный для немцев, немецкий'.

Saliena и у хутора Šlapaki), лит. Giedros upelis, Akmenių upelis.

Славянские же языки в случаях, требующих эксплицитно выраженного географического объекта, прибегают к оппозитивным оборотам или к вышестепенным сочетаниям с прилагательным, ср. *город Москва, Москва-река, Московская область* (ср. латышскую передачу: Maskavas pilsēta, Maskavas upe, Maskavas apgabals — во всех случаях родительный падеж).

И, наконец, необходимо отметить еще один случай употребления родительного падежа в ономастике, где латышский и литовский языки расходятся между собой. Это названия колхозов, совхозов, гостиниц, ресторанов, и т. п. Современный литовский язык для этих названий допускает параллельные формы с родительным и именительным падежами, например: Draugystės kolūkis (колхоз)// Kolūkis «Draugystė», Maskvos viešbutis (гостиница)// viešbutis «Maskva», Lelijos fabrikas//fabrikas «Lelija». В современном латышском языке в этих случаях употребляется только им. падеж: Kolhozs «Cīņa», fabrika «Māra», viesnīca (гостиница) «Rīga», restorāns «Vidzeme».

В итоге проведенного анализа синтаксической структуры балтийских и славянских языков можно сделать вывод: подобное синхронное сопоставление помогает обнаруживать особенности топонимических систем, незаметные при изучении лишь одного языка — таким образом выявилась неспособность балтийских топонимов служить основой для производных прилагательных. Это является также отличительной чертой топонимов и апеллятивов в балтийских языках.

Выше изложенные сопоставительные наблюдения обнаруживают также несоответствия в русской передаче иноязычных географических названий, обозначающих единицы административно-территориального деления. Однотипная передача славянских и балтийских названий (ср. *Познаньское воеводство, Краковское воеводство, Брновская область, Готвалдовская область, Тукумский район, Каунасский район*, но: *департамент Па-де-Кале*⁹, *граф-*

⁹ Названия, обозначающие соответствующие объекты западноевропейских стран, передаваемые «славянским» способом, например *Рейнская область, Франконский Лес*, являются исключениями из общего правила и обычно рассматриваются как «традиционные»,

464 o

ство Мидлсекс, штат Нью-Джерси) может быть обоснована только экстралингвистическими факторами. Эта тема ждет своих исследований.

ИЗ АРХИВА П. Л. МАШТАКОВА

Г. П. Смолицкая

В Институте русского языка АН СССР хранится небольшой архив П. Л. Маштакова, широко известного в ономастике своими списками рек бассейнов Днестра, Днепра, Южного Буга и Дона¹.

подавляющая часть архива представляет собой картотеки указанных бассейнов, а также картотеку «Областного водного словаря», вышедшего в 1931 г. Наиболее интересными материалами архива представляется гидрономическая картотека, составленная по «Спискам населенных мест Российской империи», и черновые наброски «Списков» рек бассейна Балтийского моря, Европейской части Северного Ледовитого океана (от р. Западная Двина до р. Печора) и бассейна Каспийского моря (р. Волга с Окой и Камой).

Ф. П. Филин помнит, как осенью 1941 г. П. Л. Маштаков принес эти материалы в словарный сектор Института русского языка в Ленинграде с целью сохранения². В 1952 г. эти материалы вместе с картотекой «Древнерусского словаря» были перевезены в Москву.

П. Л. Маштаков в 1890 г. окончил с золотой медалью

см.: З. Д. Г о л у б е в а. О передаче номенклатурных терминов, входящих в состав немецких географических названий. «Топонимастика и транскрипция». М., 1964, стр. 184.

¹ См.: П. Л. М а ш т а к о в. Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913; О н ж е. Список рек бассейнов Днестра и Буга (Южного). Пг., 1917; О н ж е. Список рек Донского бассейна. М—Л., 1934.

² Биографические сведения о Маштакове любезно сообщены автору Ф. П. Филиным и А. И. Поповым, лично знавшими П. Л. Маштакова и работавшими вместе с ним в предвоенные годы в Ленинграде.